

Учительница

Тихо скрипнула дверь. В открытые окна классной комнаты пахнуло крепким ароматом черёмухи. На пороге появилась робкая фигура рассыльной, она с виноватой улыбкой протянула пакет.

— Простите, Мария Евгеньевна, что помешала. Велели передать вам... Это от Владимира Ивановича.

От неожиданно прерванного занятия по лицу учительницы скользнула лёгкая тень недовольства, она готова была сделать выговор. Но, решив, наконец, что лучше будет взять пакет, взяла и одним движением вскрыла его. На четвертушке листа из школьной тетради, исписанной крупным академическим почерком, вдруг запрыгали, затуманились строчки:

Уважаемая Мария Евгеньевна,
Переславское горОНО поздравляет Вас с высокой правительственной наградой — орденом Ленина и желает дальнейшего успеха в работе на благо Родины.

Зав. горОНО Ростовцев.

Мария Евгеньевна внятно прочитала только начало. Дальше она скорее почувствовала, чем поняла смысл этого письма, которое так взволновало её, что на глазах навернулись счастливые слёзы.

Лихарева медленно опустилась на стул, взор её скользнул по встревоженным личикам учеников.

— Ну, что вы приуныли? Это — хорошее письмо, дети, очень хорошее. А я уж так, от радости... И Мария Евгеньевна прочитала его уже вслух.

Четыре десятка восьмилетних малышей, словно по команде, дружно встали и, ликуя от радости, шумно аплодировали. Этот взрыв восторга ещё более тронул учительницу. Она что-то хотела сказать, но не могла и только, растерянная и счастливая, улыбалась им.

Как всегда в таких случаях, вспыхнули воспоминания.

...Такая же вот весна 1910 года. Выпускные экзамены в переславской женской гимназии. За столом комиссии с натянутыми, равнодушными лицами восседают предводитель местной дворянства помещик Табаровский, председатель земской управы Федосеев, инспектор народных училищ, чопорная начальница гимназии, учительницы и священник. Из уст их градом сыпались вопросы, ехидные и каверзные, готовые в любую минуту срезать, как хилый стебелёк, дочь мелкого земского чиновника, не имеющего ни чина, ни звания.

Вот и тогда, когда ей вручали аттестат учителя, её охватили те же радостные, волнующие чувства, как сейчас. Это тоже была награда. Пусть не столь значительная, как теперь, но её невозможно забыть, нельзя преуменьшить потому, что для неё она являлась олицетворением победы униженных.

Впрочем, и это ещё не всё. Настоящая победа пришла позднее. Тяжкие поиски работы с аттестатом на руках, новые унижения и горькие слёзы в приёмной у председателя земской управы порой доводили её до отчаяния. Кое-как она получила место в голопёровском трёхклассном училище. Радости не было предела, но вскоре она поняла эту злую шутку. Ежедневно с рассветом её поднимала с постели беспризорная сумасшедшая баба, которая голосила под окнами, а затем весь день, бегая по селу, разносила о ней скабрзные притчи, отчего холодела душа и становилось страшно при мысли остаться здесь навсегда.

Потом Большая Брембола... В памяти всплыли дни Великой Октябрьской революции. С уст людей срывались тогда крылатые слова Владимира Ильича Ленина: «Вся власть Советам!», «Земля крестьянам, фабрики и заводы — рабочим!»

Вот это была настоящая победа! И нельзя не вспомнить большебрембольских крестьянок, гурьбой пришедших к школе, чтобы заставить учительниц отказаться от своего решения уехать на фронт, просили их остаться в селе и учить ребятишек. Уж так свежи и властны были проявления революции, своевременны и правильно поняты матерями, которые едва ли в своём большинстве умели даже расписаться. И несмотря на голод, на безденежное существование, вызванные разрухой, им нельзя было отказать в этом. Тогда крестьянки сами взяли заботу об учителях, кормили их поочерёдно.

...День спустя, в том же классе школы №7, мы застали Марию Евгеньевну в кругу учителей. Уроки уже кончились, и они, уместившись за крохотными партами, обсуждали план работы предстоящих экзаменов.

— Помните, — говорила Мария Евгеньевна, — осенью мы приняли в нашу школу несколько второгодников. Пусть это не наши грехи, но мы не должны их иметь. С такими детьми следует усилить дополнительные занятия и в школе и на дому.

На последней фразе она сделала как бы ударение, следя за тем, понимают её учителя или нет. Казалось, что вот-вот кто-нибудь сейчас возразит ей: «Заниматься в школе да ещё и дома? Нет, это уже слишком...» Но так мог подумать лишь человек, впервые видящий этот коллектив.

Учителя продолжали внимательно слушать директора, время от времени подавая свои советы. Ясно, что здесь давно был заведён такой порядок, при котором учитель должен заботиться о воспитании ученика не только в стенах школы, но и в домашней обстановке.

Все знали, что в прошлом году Мария Евгеньевна, занимаясь с четвёртым классом, на выпускных экзаменах имела только одного второгодника. А сейчас класс Марии Евгеньевны имеет стопроцентную успеваемость. Её методы преподавания весьма поучительны.

После совещания в класс вошёл бывший рабочий фабрики киноплёнки, пенсионер Шелемотов. Он — нередкий гость в этой школе, где обучались семеро его детей. Ещё от двери он протянул обе руки:

— Разрешите поздравить вас, дорогая Мария Евгеньевна, от себя лично и от детей.

В школу приходили родители, все они горячо благодарили учительницу, желали ей успеха. Уличком тов. Сухова принесла большой букет черёмухи, письменное поздравление прислали из Нагорного сельсовета, где Мария Евгеньевна в течение семи лет была депутатом.

В этой учтивости выражалась безмерная любовь народа к своей Родине, к дорогому и близкому Сталину.

Дома Марию Евгеньевну встретили её первоклассники. Они убрали комнату цветами, букеты, не нашедшие места на столе, лежали на диване. В ворохе цветов она нашла телеграммы из Ярославля и Нагорья. Поздравляли учителя — Петрова и Лакеев.

Сюда же пришли её бывшие ученики села Большой Бремболы, колхозники артели «Борьба». На груди их блестели ордена трудовой славы. Разглядывая их, Мария Евгеньевна вдруг всплеснула руками, как будто впервые только что поняла всю свою жизнь.

— А ведь это мои ученики!..